

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ, ВЕРНУТЬСЯ НЕВОЗМОЖНО...

ДО ВОЙНЫ

Школа в Зимницкой Слободе

Жили мы в деревне Зимницкая Слобода ныне Дубровского района Брянской области. У нас была маленькая хатка, как современная двухкомнатная квартира.

Через дорогу, рядом с нашей хатой, была старая дореволюционная школа: один класс со столами на крестовинах. Там учился мой отец, мать была совсем неграмотная.

В моё детство уже на другом краю деревни построили новую школу. В школе были две учительницы - комсомолки. Мой отец тоже вступил в комсомол.

В 1929 году стали образовываться колхозы. В нашей хатке стали собираться комсомольцы, но места было мало, перешли к другому комсомольцу, у него была большая отцовская хата. Вечерами собирались, строили планы - как агитировать крестьян в колхозы, одновременно занимались ликбезом, учили неграмотных, в том числе и мою маму. Я около них тоже училась и когда пошла в школу, знала все буквы и умела считать до 100.

Многие не хотели идти в колхоз, мстили комсомольцам, у них разбивали окна, сыпали навоз в окна, рисовали на дверях чёртиков.

Отец поступил работать на шпагатную фабрику в Дубровке. Каждый день в любую погоду многие из нашей деревни ходили пешком за 5 км в Дубровку на работу.

Школа в Дубровке

В 1930 году мы переехали в Дубровку, отец купил дом с тремя комнатами и маленькой кухней. Во дворе сарай и за сараем уборная.

Радости не было конца! В доме прежний хозяин оставил много цветов. Стены были оклеены шпалерами, т.е. обоями, потолок - белой бумагой, окна большие, наличники покрашены, на окнах цветы. Большой коридор, окно треугольное во всю стену. Мебели никакой. В Дубровке давно жила мама сестра Марина, она нам дала стол, табуретки, скамейку на кухню, а полки и нары для того, чтобы спать, сделал сам отец.

В школу я пошла уже во 2-й класс, называлась она массовая, другая была образцовая - до 7 класса, позже 8 классов, потом - 10.

В школу до 4 класса ходили через железнодорожные пути на другую сторону. Иногда бывали случаи - дети попадали под колеса поезда.

Александровой. Это была колдунья! Как она нас учила в то время! Отдавала нам все свои знания, все силы! Мы изучали всех писателей, поэтов, даже критиков. Белинский, Жуковский, Каверин, Л.Н. Толстой, Куприн, Достоевский... Учили отрывки из произведений Некрасова, Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина... На школьных вечерах ставили Т.Г. Шевченко... "Реве да стогне Днепр широкий"...

Скоро отец перешёл на другую фабрику, деревообделочную, ещё её называли фабрика "Клеща". Там делали шашки, шахматы, бочки, хомуты, различные шкафчики, кровати с фигурными ножками и спинками и другие вещи. Здесь отец работал по снабжению материалами, был комсоргом.

На фабрике была построена новая большая столовая для рабочих, клуб, контора, была проходная - вход на фабрику. Во время праздников давали рабочим бесплатные обеды, был кружок художественной самодеятельности, в клубе ставили

ральная усадьба колхоза.

На зиму заготавливали дрова, наглядные пособия, красили окна и двери и делали многое другое. Мой отпуск был всего два месяца, но через месяц я уже была в школе.

Колхоз "Бедняк" был в то время уже лучшим в районе, урожай всегда был отличный, рядом лес, колхозное лесничество, большое озеро, в котором водилась рыба и водяной орех, мельница своя, новые прекрасные рубленые дома, клуб.

Показала я себя в школе с хорошей стороны, была заводилой всех дел. Один из парней, Ваня Баранов, был комсоргом в колхозе, мы с ним активно сотрудничали. Я с девочками организовала хор, а потом и ученики примкнули к художественной самодеятельности. Мы выступали в клубе, пели, танцевали, ставили постановки. Как мне пригодилось всё то, чему я научилась в Дубровской школе!

Вот это было время! Мы устраивали прекрас-

Семьям, оставшимся в нищете, давали лес на постройку хатёнок и корову (коров пригнали в Союз из Германии).

Газеты и журналы для деревни я привозила из Дубровки. В райзо (районный земельный отдел) работала бухгалтером моя одноклассница, которая снабжала меня этим добром.

Школа была сделана из оставшегося целым колхозного амбара. Получилось два класса. Позже пристроили сенцы, где была сложена печка, а духовки сделаны "в классы". Топили дровами и торфом.

Столы в классах стояли большие, широкие, на крестовинах; с одной стороны стола на длинных скамейках сидел 4-й класс, с другой - 2-й класс. В другом классе также размещались 1-й и 3-й классы.

Нас было две учительницы, я работала во 2-м и 4-м классах. Когда с 4-м классом вела письменные работы, то со 2-м - устные и наоборот: математика или грамматика.

Вместо тетрадей использовали газеты и амбарные журналы, писали между строчек. Вместо чернил варили болотную траву, получалась чёрная жидкость, перьев не было. В основном писали палочками: делили пополам, внизу заострим и нарежем, как в перьях. Делали досточки тоненькие, красили в чёрный цвет и мелом решали задачи, примеры. Тряпочкой вытирали их после того, как я проверю.

Я пользовалась авторитетом. Меня зав. районо Яковцева на совещаниях хвалила за моё старание. Выступая на собраниях или лично обходя хаты и землянки, я разговаривала с людьми, советовала, убеждала, что детям надо обязательно учиться, ходить в школу.

Некоторые дети ходили в школу по очереди - одежды и обувки не было. Если сегодня один был в школе, в другой день он сидел дома, а в школу шёл другой. Я уже знала, что завтра не придёт, и давала задания на дом.

Весной было особенно трудно. Грязь непролазная, а школа на окраине села. Одежды и обуви не было. Кто немецкие ботинки или сапоги после боя себе раздобыл, кто в лаптях, если было кому их плести. Одежду шили из шинелей, палаток, френчи немецкие надевали не перешивая. Носили различные шапки, фуражки; рубашки солдатские тоже.

Я хорошо шила и обшивала всю деревню, что ещё прибавляло мне авторитет. Когда шила кому-то, то часто оставались ленточки от материи. Я раздавала их девочкам заплетать в косы.

Почти все дети были вшивые, а им помогала я...

коньёты. Топили печь дровами, их было вдоволь... ные вечера в колхозе, в клубе. Я руководила танц...

рожные пути на другую сторону. Иногда бывали случаи - дети попадали под колеса поезда.

В 4-м классе меня принимали в пионеры. Раньше должны были быть рекомендации от трёх человек, а так как мой отец к тому времени уже стал партийцем (т.е. коммунистом), то меня приняли без рекомендаций.

С пятого класса мы ходили в другую школу, находившуюся недалеко от смешанного леса (соснового и берёзового), в котором были ягоды (земляника, черника, брусника), кустарник можжевельника, волчьих ягод, грибы. А ещё очень много муравейников, из которых мы палочками выковыривали и обливали сладкий муравьиный клей.

Лес назывался "Осмолово". Недалеко находилось бывшее имение царского генерала Беневского. Оно сохранилось, в доме жили его внуки, другие родственники, иногда приезжала из Ленинграда дочь.

Кто-то из его родственников работал в нашей школе учительницей литературы. Внуки учились вместе с нами, добрые, всем помогали в учёбе. А мы им всегда приносили еду.

В 7 классе я уже вышла в хорошистки, у меня появилось много подруг. Я стала одеваться по-городскому, отдавала шить вещи соседке-портнихе. Я часто ходила к ней, сидела и смотрела, как она кроит, шьёт, потом и сама стала шить, за что часто меня наказывали, т.к. портила холст (так называлась тоненькая бумажная холстина) и ломала иголки швейной машинки. Но шить я всё же научилась! Даже в деревню родственникам шила юбки, сарафаны, кофты.

В Дубровке был большой клуб и в парке около клуба - танцплощадка, круглая, большая, вокруг скамейки. Мы с подружкой Верой часто ходили танцевать, в то время был моден фокстрот, на баяне играл баянист Садов.

В школе я училась средне, т.к. никто никогда мне не помогал. Но я дружила с Верой Поповой, а подружка моя была отличницей. Я с ней сидела за одной партой, старалась учиться наравне, она мне помогала во всем, особенно в литературе. У них дома было много книг, поскольку мама её была учительницей, сначала в сельской школе, а потом уже работала здесь в начальной школе. Тётя Веры была врачом. Дедушка, в прошлом церковнослужитель в селе, работал при больнице, где его дочь была врачом. Отец подружки был ездовым, возил врачей. А ещё он был хорошим сапожником, но очень любил выпивать, поэтому материально они жили туговато. Вера часто была у нас дома, иногда ночевала, ела вместе с нами. Мы нередко давали ей домой молочные продукты, так как у них коровы не было.

У Поповых я научилась всему, брала книги и любила читать, научилась играть на гитаре, шить, вязать и вести себя в обществе. Благодаря Вере я стала лучше учиться. Меня избрали звеньевой (пионеры в школе были разбиты на звенья, человек по 10-12). Каждую неделю в школе были вечера, которые готовило одно из звеньев каждого класса.

С большой теплотой вспоминаю свою учёбу в Дубровской школе, особенно уроки учительницы русского языка и литературы Марии Александровны

концерты. Топили печь дровами, их было вдоволь, привозили и складывали в сарае обрезки с фабрики. Отец мог играть на гитаре, балалайке, гармошке и пел частушки.

Мне 15 лет. В комсомол принимали тоже с поручительством трёх человек. Меня приняли без поручительства, потому что отец был коммунистом или, как тогда называли, "партеец".

В то время у нас проходили учения в ОСОВИАХИМЕ. Мы отрядами маршировали, ходили в противогазах, учились стрелять в тирах, изучали окопы, бункеры и т.д. Готовились к войне с фашистами.

Болотнянская школа

После 8-го класса я поехала учиться в город Карачев на курсы учителей. Проучилась год, после чего начала работать в 18 лет учительницей в сельской школе, за 25 км от дома. Районо меня направило в глубинку, в Болотнянскую школу, куда ходили учиться дети с пяти хуторов и посёлков. Школа располагалась на главной колхозной усадьбе.

Школа, конечно, была начальная - 4 класса. В ней работал молодой парень и три учительницы, две из них уже в годах. Позже работали 4 учительницы: Нина Барамошкина учила 3-й класс, Мария Егоровна - 2-й класс, Валентина Ивановна - 1-й класс, я - 4-й класс. Четвёртый класс мне доверили потому, что зав. районо Евгений Николаевич раньше в Дубровской школе вёл географию и знал, как я старательно училась.

Парень был заведующим. Когда я появилась, в августе 1940 года, его забрали в армию. Я ему, видимо, понравилась, поэтому он заведование передал мне. Мы поехали в Дубровку в районо, там меня утвердили. Все три учительницы были в обиде на меня, но потом смирились. Я человек общительный с детства, многого по молодости ещё не знала, с ними советовалась, им это нравилось. Я не воображала, хотя, конечно, в душе гордилась, но виду не показывала. Вскоре самая старшая учительница переехала в другую деревню, т.к. её дочка вышла туда замуж. На её место прислали молодую преподавательницу, которая вскоре вышла замуж за местного разведенца.

Я жила в деревне Прусаковка на квартире у председателя сельского совета Ивана Ефремовича Платонова. У него был большой новый дом, пятистенка называлась, как вроде два дома вместе. У них было пятеро детей, хотя сами они ещё были молодые, трое детей учились. В селе были два знакомых парня, они учились в Дубровке вместе со мной, поэтому мне было легче обособоваться.

Год я проработала, учила 4-й класс. Работала и училась сама. Остальные два года педтехникума в Карачеве я окончила заочно, ездила летом во время отпуска сдавать экзамены.

В районо у меня были знакомые, они мне давали разработки, помогали во всём. Я в зиму сделала ремонт школы с помощью председателя колхоза, в сельсовете поставила вопрос о строительстве новой школы. Строительство утвердили и уже в 1940-м году начали строить школу, правда, в другом посёлке, около леса, на пригорке, т.к. это была цент-

ные вечера в колхозе, в клубе. Я руководила танцами и песнями, дети одевались в бабушкины и родительские одежды, юбки, сарафаны, роскошные цветастые шёлковые и шерстяные платки, ботинки на кнопках с толстыми каблуками, притопывали в такт песен, цыганских и старинных народных.

Свободных мест в клубе не было. Все подпевали и пританцовывали, хлопали, кричали, все были довольны. И я была в восторге, что всем нравится моя работа. Другие учителя этого не делали, а я научилась в своей школе в Дубровке, где была вожатой пионерского звена. А теперь это всё пригодилось, колхозники уважали, дети любили. Я их учила вязать, вышивать, делать всякие поделки. Мы сочиняли частушки про хорошую колхозную жизнь (колхоз назывался "Бедняк", а был миллионер!).

Многие мои дубровские учителя уже были пенсионерами, ездили как проверяющие по школам. Я гордилась, когда им рассказывали о моих хороших делах.

Мне повезло ещё вот в чём. Недалеко от этого села, оно называлось Прусаковка, был расположен военный полигон, где испытывали бомбы, было слышно всегда, как они взрывались. Рядом был аэродром Сеца большого значения в то время. Они во всем помогали колхозу, а колхоз им. Мы, учителя, вместе с лётчиками участвовали в художественной самодеятельности, устраивали вечера отдыха. У военных был духовой оркестр, многие лётчики играли на баяне, гармошке и струнных инструментах. Я отдельно с детьми ставила концерты в клубе, пьески, физкульт-пирамиды (блага был опыт, приобретённый в Дубровской школе).

Кавалеров у меня - не было отбоя. Летом во время каникул ко мне приезжали из Дубровки одноклассницы, подружки. Многие здесь нашли себе кавалеров, некоторые даже вышли замуж. Я ещё не стремилась замуж, хотела в институт поступить на заочное отделение. Но скоро и у меня появился парень, местный, из села, притом постарше на пять лет - Илья Гайдукос.

...А потом была война. Страшная жизнь в оккупации. Отправка на работы в Германию. Два года в Гамбурге. После освобождения замужество и долгожданное возвращение на Родину. Но об этом в другой раз.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Школа в колхозе "Красный Ивот"

Когда я получила временный паспорт, после зимних каникул, в феврале 1946 года, меня направил работать учительницей начальных классов в глубинку, в сельскую двухкомплектную школу в колхоз "Красный Ивот" Берестокского сельсовета Дубровского района. Здесь я до июня учила 2-й и 4-й классы, а другая учительница - 1-й и 3-й классы.

Я получила направление из районо, разыскала на базаре подводу и поехала посмотреть, где это село и школа. Я уже говорила, что все близлежащие села были разгромлены, и это село тоже. Некоторым семьям власти уже помогли выйти из землянок, особенно тем, у кого погиб отец и было много детей.

вала их девочкам заплетать в косы.

Почти все дети были шивые, я им помогала их выводить. Смазывала керосином прямо в школе, потом мыли детей жидким зелёным мылом. Всё это я брала в тракторной бригаде. Потом вычесывали вшей прямо на стол, опять же в школе. Некоторые вши оставались ещё живыми, дети их давили ногтем, а потом жаловались, что болит палец.

В этом селе я жила на квартире в одной семье, у женщины, муж которой погиб на войне. Колхоз построил ей и 4-м её детям новую хату. Я получала паёк на месяц: ведёр картошки, пол-литра или литр конопляного масла, 100-, 150 граммов соли, пуд (16 кг) ячменной муки. Всё это отдавала хозяйке. Но иногда паёк я оставляла ученикам в школе, т.к. хозяйке вскоре дали корову и питалась я вместе с ней.

Уборщица и истопник в школе на плите в большом ведёрном чугуне готовили из этих продуктов баланду. Дети приносили с собой миски и ложки. Соль я сыпала им понемножку около каждого, и они мокрым пальчиком по кристаллику кляли в рот и, причмокивая, говорили, что это очень вкусно. Соли вообще не было всю войну, неоткуда было её привозить, всё было занято немцами.

Картошка у хозяйки была своя: сварит в чугунке утром полведра картошки, заправит молоком, растолчёт и аж хруст идёт за ушами - вкусно! Парует запах на всю хату, да идёт с кислой капустой, что в кадлушке в сенях стояла. На день щи и опять картошка или draniki, или блины (опять же: крахмал, малость муки и молочка). Позже и поросят стали заводить, коровка отелилась. Хозяйка добрая была, всем соседям давала по кружке молока забелить еду, а они в благодарность помогали кормить корову. Все были дружные, делились и жалели друг друга.

Мне помогал муж. Он был ещё в Германии, высылал деньги. А мой отец работал слесарем на шпигатной фабрике. Он имел золотые руки и делал из олова ложки, половники, из немецких консервных банок - лампы-коптилочки, чтобы был свет в хатах, кружки, чашки и менял всё это на всевозможную еду. Я часто привозила из Дубровки эти изделия и многим дарила. Иногда просила селян, ездивших в райцентр, зайти ко мне домой, т.к. отец уже что-то смастерил и был готов передать вещи сюда.

В знак благодарности колхозники что-то и моим родителям давали: то муки, то гороха, т.е. чечевицы, то масла - или конопляного, или льняного.

Иногда от отца я привозила керосин и мыло.

Весной мы всей школой лазали по колхозным картофельным полям, собирали мёрзлую картошку, мыли и протирали сквозь сито. Получался отличный крахмал. Прямо в школе варили кисель (а чугун был около 1,5 ведра!), не сладкий, мы его чуть присаливали. Это был деликатес для детей. Они приносили в тот день с собой посудину, и мы делили кисель так, чтобы всем обязательно хватило.

Учебный год закончился, ко мне приехал мой муж в отпуск из Германии....

Из воспоминаний ветерана педагогического труда

Марии Ивановны НОВИКОВОЙ (1922-2006).

На снимке: Мария НОВИКОВА (стоит в центре) с подругами.